

ОДИН ИЗ САМЫХ КОМПЕТЕНТНЫХ УЧЕНЫХ-ЛИНГВИСТОВ – Б.П. ЛАВРЕНТЬЕВ

С.В. Чиронов

Вспоминая занятия у Бориса Павловича Лаврентьева, многие действующие японисты в системе МИД и вне ее рассказывают похожие истории. Например, как именитый корифей «навскидку» пересказал озадаченному отделу заключенную в редком иероглифическом сочетании древнюю китайскую притчу и как это пролило свет на значение непереводимого заголовка. Или как совершенно блестящий ответ на экзамене бледнел перед комментарием о какой-нибудь детали – она вдруг раскрывала глаза на бездну еще не выученного, такого, что и в голову не приходило, а этому спокойному, доброжелательному человеку уже давно было известно.

В том, что называется «владение языком», Борису Лаврентьеву действительно не было равных. Это был эталон, к которому следовало стремиться. И своим примером Борис Павлович показывал: это возможно. Ведь своего легендарного, недостижимого уровня он добился сам, собственным упорным трудом.

В отличие от плеяды востоковедов довоенного и послевоенного времени, имевших значительный «японский след» в биографии (так называемые «харбинцы»), Б.П. Лаврентьев происходил из совершенно другой среды. Родился в 1929 г. в Тбилиси. Со школьных лет проявил способности к языкам, углубленно занимался английским и французским. Сдав школьный курс экстерном (в этот год в Грузии как раз вводилась 11-летняя система), в 1946 г. поступил в Московский институт востоковедения. Абитуриентов тогда знакомили с вузом, и Борис Павлович среди других посетил и ту кафедру, где проработает большую часть жизни, но вот документы первоначально подал на персидское отделение. «Перенаправил» его случай: для автоматического зачисления баллов оказалось

недостаточно, и нужно было пройти дополнительное собеседование, где присутствовал и академик Н.И. Конрад. Комиссии Лаврентьев понравился, и ему предложили японский язык.

О том, с какими сложностями сталкивалось изучение языков в то время, написано и сказано много: это и нехватка материалов и пособий, и практически полностью исключенные контакты с языковой реальностью страны... Однако, похоже, именно сложность овладения материалом помогла, а не помешала сформироваться новому поколению чрезвычайно сильных ориенталистов. Да и педагоги были первоклассные – среди

Чиронов Сергей Владимирович – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

преподавателей на японском направлении трудились Н.И. Фельдман-Конрад, Е.Л. Наврон-Войтинская, М.С. Цын. А с семьей Н.И. Конрада Борис Павлович поддерживал особые отношения, чтит его как своего главного учителя и был вхож в их дом.

После окончания – с отличием – института Лаврентьев поступает в аспирантуру и начинает работу над диссертацией. В качестве темы он выбирает китайскую иероглифику и китайские заимствования в общественно-языковой практике Японии. Вообще роль китаизмов в японском языке сравнима с присутствием латинских и греческих корней в европейских языках или же отпечатком арабского в языках широкого ареала от африканских до австронезийских. «Китайский» пласт, по оценкам, составляет более 70% лексического материала современного японского языка. На этот класс приходится практически вся терминология, значительная часть этикетных клише, то есть именно он является необходимостью для полноценного делового и официального общения. При этом, как и в других языках, древний слой заимствований начинает жить своей собственной жизнью, развиваться по законам языка-реципиента. В диссертации как раз уделялось внимание именно таким явлениям, связанным, кроме того, с процессами словообразования, опрощения, аббревиации в лексике китайского происхождения. В этом смысле уже на раннем этапе в выборе темы проявился особый интерес молодого ученого к практической стороне исследования, общественно полезным результатам «на выходе». Диссертация, уже вобравшая в себя массу собранного в поездках и переосмысленного с учетом практической деятельности материала, была защищена в 1966 г.

Приход Бориса Павловича в институт связан со слиянием МИВ с МГИМО в 1954 г. В результате реорганизации в Институте международных отношений был образован восточный факультет и созданы девять кафедр восточных языков, прежде в институте не преподававшихся. Кафедру японского, корейского, индонезийского, монгольского и тагальского языков возглавила Е.Л. Наврон-Войтинская. С 1956 г. Б.П. Лаврентьев получает должность доцента, а в 1988 г. становится профессором кафедры. С 1972 по 1998 г. Борис Павлович возглавлял эту кафедру. В этот период он участвовал в деятельности Ученого совета, Совета факультета международных отношений. В 1980-х гг. возглавлял Научно-методический совет МГИМО по иностранным языкам. Среди отраженных в документации тем, поднимавшихся на заседаниях этого органа, фигурирует и вопрос профессионализации образования в преломлении изучения иноязыков – задача, актуальность которой со временем только возросла.

И.А. Латышев в книге «Япония, японцы и японоведы» (2001 г.) называет Б.П. Лаврентьева «одним из самых компетентных отечественных ученых-лингвистов». Несомненно, росту

Лаврентьева как ученого немало способствовала обширнейшая языковая, и прежде всего переводческая, практика. Первый опыт такой работы Лаврентьев получил в лагерях японских военнопленных в Грузии уже на младших курсах института. Позже, еще будучи студентом, Борис Павлович направлялся на Дальний Восток для участия в подготовке Хабаровского процесса над японскими военнопленными (среди них были и сотрудники печально известного «отряда 731», который в пригороде Харбина занимался работками бактериологического оружия). Рассказывают, что иногда он даже поправлял «неправильно выразившихся» японцев, и те бывали поражены лингвистическим чутьем молодого специалиста, практически не имевшего опыта непосредственного общения с носителями языка. Кстати, с некоторыми из пленников, благополучно вернувшихся на родину, Б.П. Лаврентьев общался потом долгие годы.

Переводческая практика продолжилась и после прихода на работу в МГИМО. С первых лет работы Борис Павлович не только переводил ответственные переговоры на различных уровнях в Москве, но и регулярно привлекался к переводу по линии МИД и Министерства культуры СССР, выезжал в Японию в составе делегаций союзной Академии наук, сопровождал на гастролях И.Д. Ойстраха, сына гениального скрипача. В 1960–1970-х гг. тематика поездок расширяется: Борис Павлович сопровождает в Японию производственные и научно-технические делегации, гастроли Большого театра. В 1970 г. во время Всемирной выставки ЭКСПО в г. Осака он становится лектором советского павильона, за что получает благодарность и памятную медаль.

С 1980-х гг. как переводчик высшего класса Б.П. Лаврентьев работает на переговорах в Москве, во время визитов в Японию делегаций ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, Комитета защиты мира, ВЦСПС. Участвует он и в международных конференциях, в том числе в качестве синхронного переводчика, привлекается к обслуживанию фестивалей советского искусства в Японии, мероприятий Совинцентра, советского Общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Именно он был официальным переводчиком во время визита М.С. Горбачева в Токио в 1991 г. Борис Павлович оказался среди очень немногих иностранцев и, вероятно, единственным советским переводчиком, которому – с учетом безупречного владения языком – было поручено переводить во время аудиенции у японского императора.

Много занимался Б.П. Лаврентьев и письменным переводом. В его переводе появились на русском языке фундаментальная «Грамматика японского языка» М. Киэды, труды известного японского фольклориста К. Янагиды, роман Т. Исикавы «Стена человеческая», новелла О. Мори «Дикий гусь». Его перу принадлежат рецензии на книги Т. Дои, Ю. Мисимы, ряд обзоров по

тематике современной японской философии, истории японской мысли и искусства. Интересно, что именно как переводчик трудов японских философов Б.П. Лаврентьев был отмечен в Большой Советской энциклопедии выпуска 1978 г.

Насыщенная переводческая практика сочеталась с активной педагогической деятельностью. Вместе с Е.Л. Наврон-Войтинской, С.Ф. Зарубиным, С.В. Неверовым Б.П. Лаврентьев по праву считается одним из тех, кто стоял у истоков самостоятельной школы преподавания японского языка, сложившейся в МГИМО. Ее особенностями и сегодня остаются повышенное внимание речевому и коммуникативному аспектам, упор на страноведческие и переводческие дисциплины, широкое использование аутентичных материалов МИД. В 1960–1965 гг., будучи приглашен на работу в советское посольство в Токио, Лаврентьев пристально изучает постановку лингвистических дисциплин в японской системе высшего образования, организует при посольстве языковые курсы. Еще десятилетия после того, как его трудовая книжка снова вернулась в кадровый отдел МГИМО, Борис Павлович преподавал на Высших курсах иностранных языков МИД. Именно он разбирал с дипломатами профильных подразделений тонкости речевого поведения на переговорах, именно его подписью стояла на справках об уровне владения японским у нескольких поколений кадровых работников нашего внешнеполитического ведомства. Естественно, такой постоянный контакт с мидовской средой в полной мере использовался для того, чтобы более эффективно заточивать под потребности министерства институтскую учебную программу.

Широкой публике в нашей стране Лаврентьев известен прежде всего как автор культового «Самоучителя японского языка». Вышедшая в 1982 г., эта книга, построенная оригинальным способом и увлекательная даже для тех, кто не ставит себе целью овладеть азами японского, сразу стала библиографической редкостью и выдержала не одно переиздание. За годы работы в МГИМО Борис Павлович также подготовил ряд других учебных пособий, в том числе базовый «Курс общественного перевода». Единственной в своем роде стала «Практическая грамматика японского языка» 1998 г., неоднократно переизданная. Написанная ясным и четким языком, снабженная ясными, остроумными, живыми примерами, эта работа стала наиболее удобным и авторитетным справочником для поколений лингвистов и изучающих японский язык.

Пожалуй, главное место в деятельности Бориса Павловича в зрелые годы заняла лексикографическая работа. Еще в 1975 г. в соавторстве с С.В. Неверовым был выпущен «Русско-японский разговорник». В 1984 г. вышел «Японско-русский словарь», где Б.П. Лаврентьев был соавтором, редактором и автором грамматического очерка. В конце 1980-х гг. увидел свет «Учебный словарь японских иероглифов», к которому Борис

Павлович написал обзорный очерк о современной японской иероглифике, а также выступил редактором издания. Б.П. Лаврентьев составил совместно с С.В. Неверовым учебный «Японско-русский и русско-японский словарь», стал одним из авторов нового 160-тысячного «Современного японско-русского словаря». А в 2000-х гг. Лаврентьев подключился к работе по составлению электронного русско-японского словаря, развернутой на базе Института востоковедения АН.

Работа эта невидимая, незаметная, она предполагает годы тщательного труда над картотеккой, детального сравнения и анализа материала. Однако присутствие этого неявного пласта, скрытая глубина тем не менее всегда очень чувствовались. Возникали вопросы: «А можно так сказать?», «А так?».

«Сказать можно вообще все что угодно», – в своей доброжелательной, слегка ироничной манере предостерегал профессор старшекурсников, окрыленных первыми успехами в постижении экзотического языка. И в самом деле, сильно ли задумывались новоиспеченные «восточники», что «не беспокойтесь» – совсем не то же самое, что «успокойтесь», что «слышал, что она пела» и «слышал, как она пела» – заметно различаются даже в русском языке? Вдумчиво, не ограничиваясь заученными схемами, подходить к языковым явлениям учил мэтр, и это было даже важнее, чем тонкости значений, в которых ему тоже не было равных. Недаром продвинутый курс, который вел Лаврентьев, курс, ломающий привычные, упрощенные представления, носил полуофициальное название «корректирующей грамматики». Притом происходило все это без какого-либо принуждения или подавления своим авторитетом, а наоборот, с предельным уважением, мягким юмором, почти на равных, в жанре свободной дискуссии.

«Вы сами не знаете, сколько вы уже можете!» – всегда умел заинтересовать, стимулировать он. Удивительно ли, что пропускать занятия у Бориса Павловича всегда считалось дурным тоном даже у самых-самых занятых выпускников МЭО. Профессиональный авторитет Б.П. Лаврентьева не ограничивался кругом специалистов и выпускников в СССР и России. Его занятия, будучи стажерами, посещали многие из ныне работающих японских дипломатов среднего и старшего звена. Некоторые из них и сейчас с восхищением признаются, что эти занятия позволили им лучше понять свой язык. И в посольство на перевод «господина Лаврентьева» звали только по самым ответственным и торжественным поводам, просто так беспокоить мэтра было неудобно.

Одним из «фирменных знаков» Лаврентьева-сэнсэя была особая чуткость к звуковой природе языка. Японцы, будучи по своим коммуникативным особенностям склонны поддерживать, задобрить собеседника, не пожалеют уверений, будто вы говорите «совсем как токиец». Но стоило услышать Бориса Павловича – и станови-

■ Золотой фонд МГИМО

лось понятно истинное значение этой фразы: в отношении его это не была пустая лесть. При всем сходстве и простоте самого набора речевых звуков японский язык значительно отличается от русского по мелодике и интонации, отсюда – устойчивый русский акцент. Конечно, «придирки» насчет какой-нибудь долготы гласного или нечеткого интонационного контура порой даже сердили – ведь мысли уже все были на «высоком» плане выражения сложных логических конструкций! Но в этом-то и проявлялась профессиональная ответственность за безупречное качество высказывания, которое должно быть абсолютно четко и понятно. И одновременно – внимание и учтивость к собеседнику как ценная «подсмотренная» у японцев черта.

Настоящий мастер перевода, Борис Павлович никогда, как правило, не критиковал другого переводчика, в крайнем случае – высказывал позже, в корректной форме, часто – будто рассуждая вообще, конструктивные замечания. Такой же принцип соблюдался и в общении с коллегами. На кафедре ее многолетний лидер всегда был любезен, предпочитал пошутить или улыбнуться в усы, но не показать тревоги или раздражения. Не только для учеников, но и для младших коллег Борис Павлович оставался последней инстанцией, в стихийно возникшем споре всегда готов был дать справку по любому, даже непредвиденному, вопросу.

Но в то же время это отнюдь не был небожитель, благосклонно вззирающий на брешь суеты. Даже в преклонные годы Лаврентьев живо интересовался новыми тенденциями как в

японском, так и в русском языке, держал руку на пульсе и в сленге, и в финансовой терминологии. Быстро освоил компьютер и активно использовал его для подготовки к занятиям, находя в режиме «встречного движения» материалы по актуальным темам на обоих языках. Когда в институте заработал цветочный киоск, приносил «своим дамам» на кафедру небольшие букеты. Не стеснялся сделать комплимент – не дежурный или показной, а тонкий, поэтичный, какой запомнится надолго.

В 1984 г. Б.П. Лаврентьев был отмечен орденом «Знак Почета», в 1987 и 1989 гг. – почетными грамотами МИД СССР. А в ноябре 2011 г. ему был вручен японский орден Восходящего Солнца. Из наших соотечественников эту правительственную награду, традиционно вручаемую деятелям культуры, искусства, в свое время получили М.Л. Ростропович, М.М. Плисецкая, Ю.Б. Норштейн (всемирно известный аниматор получал награду вместе с Б.П. Лаврентьевым), среди японистов – Л.А. Стрижак, О.П. Фролова, Г. Ш. Чхартисвили, Т.Л. Соколова-Делюсина; награды также удостоивались ректор МГУ В.А. Садовничий и директор ИСАА МГУ М. Мейер. В формулировке грамоты отмечалось, что награждаемый «посвятил более половины столетия японскому языку, заложил основы его преподавания в Советском Союзе и в России».

Tshironov S.V. Boris Pavlovich Lavrentyev (1929 - 2010) – "one of the most competent domestic scientists-linguists".